

Мария Червинкова-Ригрова

СОН В ЛЕТНЮЮ ЖИЗНЬ

Повесть
перевод с чешского

Мария Червинкова-Ригрова

**Сон в летнюю жизнь.
Повесть. Перевод с чешского**

«Издательские решения»

Червинкова-Ригрова М.

Сон в летнюю жизнь. Повесть. Перевод с чешского /
М. Червинкова-Ригрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909661-6

Имя чешской писательницы Марии Червинковой-Ригровой (1854—1895) главным образом осталась в истории мирового искусства прежде всего как автора двух известных миру опер Антонина Дворжака. Её перу принадлежат несколько повестей, а также литературоведческие записки и мемуары. В книге использованы иллюстрации и работы чешского художника Карела Шимунека (1869—1942).

ISBN 978-5-44-909661-6

© Червинкова-Ригрова М.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Сон в летнюю жизнь

Повесть. Перевод с чешского

Мария Червинкова-Ригрова

Переводчик Вера Сергеевна Денисова

Художник Карел Шимунек https://cs.wikipedia.org/wiki/Karel_%C5%A0im%C5%AFnek

© Мария Червинкова-Ригрова, 2019

© Вера Сергеевна Денисова, перевод, 2019

ISBN 978-5-4490-9661-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Барышня Ольга Мышленкова возвращалась из школы за полдень после проведённых уроков с прекрасным букетом от благодарных учеников в честь дня её Ангела. Её так переполняла гордость от их расположения, что всем прохожим на улице, любовавшимся её прекрасным букетом, хотелось восторженно пояснить: «Это от моих учеников – они меня любят!».

Но прямо за порогом дома, радость вдруг покинула её.

Медленно ступая шаг за шагом, она поднялась по лестнице, будто боясь пройти дальше и открыть дверь в свою комнату.

Год назад, в день её Ангела она прямо летела вверх по этой лестнице... А теперь... Кому этот букет? Кто порадует за неё, как в прошлом году?. Лишь тихий, незабвенный голос по-прежнему эхом отозвался душе: «Хорошо, дочка, хорошо...» Наконец решившись открыть дверь в свою комнату, она так и застыла в проёме.. Её взгляд скользнул по большому чёрному креслу у окна... Пусто... В прошлом году здесь еще сидела бледная и слабая как тень сгорбленная старушка с мутным, глубоким тёмным взглядом и неизменно добрым лицом – и девушка высвободила руку из-под букета. Ольга будто вновь увидела всё перед собою, и потому внезапно, отложив цветы и всё, что было в руках, резко бросив на стол, подскочила к пустому креслу и обвила его руками.

– Мама, мамочка! ... Боже мой... Боже мой ... – и девушка, всхлипывая, уткнулась лицом в сиденье кресла.

На минуту она затихла, потом снова послышались приглушённые рыдания, и снова всё смолкло, кроме размеренного и важного тиканья больших старинных часов.

Вся атмосфера этой простенькой комнатки благоухала ароматом воспоминаний и увядших цветов.

Да, всё осталось нетронутым – каждая вещь на своём месте, с прошлого лета. Разве что над секретером появился портрет – образ милой старушки в белом чепце – портрет она после поставила на полку рядом с весенними цветами в вазах. А в спальне над одной из двух постелей под Образами печальной Богородицы и Христа в Терновом Венце висели также два выцветших венка с чёрными лентами. Они провисели тут больше полугода – со дня похорон.

Бой часов как будто вывел девушку из горестного ступора. Смахнув растрепавшиеся волосы с лица, она стала расставлять лежащие цветы в вазы.

Расставляла одни с другими с грустной улыбкой. В голове крутилась лишь одна мысль: Зачем?... Зачем теперь цветы – зачем все это здесь?...

Потом подошла к полке под портретом и взяла в руки книгу. «Что с того, что я когда-то пыталась заниматься?» – подумала она. Эту книгу Ольга не открывала уже несколько месяцев. Раньше она её читала внимательно, лишь временами с беспокойством оборачиваясь на тихий кашель в углу. И теперь решила, что с весны нужно сдать экзамен в городской школе, чтобы к осени уже просто не было ни свободной минутки на грустные воспоминания. При этой мысли ей даже показались забавными загадками сложные геометрические задачи и вычисления. Но едва она вновь пробежала взором бывшие ученические странички, рассматривая каждый значок и пометку – всё казалось чуждым, странным и смешным. Отталкивали непонятные, неподдающиеся сознанию чертежи, квадраты и углы. Девушка невольно бросила книгу, и в её ушах снова прозвучало ясно и отчетливо: «Зачем? Зачем все эти буквы и цифры, зачем книги? К чему эти утомительные занятия? Зачем работать, если её больше нет?»

Уронив голову на руки, она растерянно смотрела перед собой. В её серо-голубых, выразительных глазах будто отражались тени унылых снов неосознанными, подсознательными мыслями, сжимая чувственный трепет.

Но вот позвонили в дверной колокольчик.

– Есть кто дома? – отчетливо спросил за дверью ясный голосок. В распахнутую дверь в комнату вошла юная, стройная девушка в свежем ярком, хотя и повседневном наряде.

Запахавшись от ходьбы, она всё же сохраняла на лице пылающий свежий румянец, и её чистые голубые глаза искрились радостью и юношеским задором. Светлые прядки волос выбились из-под кружевной шляпки с синей лентой, что несказанно украшало её милую, русую головку. В её руках был большой букет белых нарциссов. Как большинство белых цветов они обладали сильным, пьянящим запахом, будто вся свежесть шаловливой юности дохнула с полуоткрытой розовой игривой улыбки вошедшей в комнату барышни, наполнив её весенней свежестью.

– Как не старалась, раньше не получилось, – вскрикнула она, целуя Ольгу, – Смотри, вот нарциссы из Дубкова. За мной вслед поспевают тётя

– Тётя?! – радостно воскликнула Ольга, торопясь к двери, где уже появилась высокая, статная пани лет пятидесяти. Тепло обняв Ольгу, она обхватила обеими руками её голову, внимательно разглядывая лицо племянницы.

– Плохо выглядишь! Неважно. В прочем, как я и предполагала. Вот и пришла.

Тётя,, пани Махова говорила кратко и лаконично, голосом командира или генерала, не требующим отговорки. Ясный и твердый взгляд больших мудрых глаз на приятном лице с маленьким носиком и красивым, остро очерченным подбородком, каждое движение тела, и звук голоса, – всё говорило о живости и непосредственности натуры этой женщины. Казалось, её строгий, ясный взгляд заглядывает в самую глубину души. В чёрных волосах уже белела проседь, но в движениях своих тётя сохраняла живость и резвость молодки.

Она быстро прошла в центр комнаты:

– А теперь давай посмотрим, как тут у тебя! – и оглядев всё опытным взором, посмотрела будто на параде. От её взгляда не ускользнуло ни одной мелочи. задержав надолго свой взор на портрете покойной сестры тётя приняла печальное выражение лица, глаза её увлажнились, а сильный подбородок задрожал:

– Упокой её Господи с миром, – прошептала она. Потом быстро отвернулась, будто стыдясь своих эмоций.

– Забегалась я сегодня, – сказала она сухо, усаживаясь в кресле. Было заметно, то она собиралась что-то сказать, потому что уставилась на Ольгу довольно вызывающе.

– А у меня для тебя новость. И, помолчав с минуту, сверкнула глазами и добавила, – В четверг едешь с нами в Дубково.

– Как Вы это представляете себе, тётушка!

– И без возражений! Раз сказала, значит поедешь!

– Ну что, слышала, Ольга! Поедешь с нами! – радостно повторила Лидушка.

– Но я же писала, тётя, что не могу до конца учебного года. Ещё целых восемь недель, – попыталась отговориться Ольга.

– Думаешь, я оставлю тебя такую? Что здесь хорошего? Поди плачешь каждый день, да? Неизвестно, до чего дойдёшь за эти восемь недель. И так не единой родной души вокруг. Получая письмо за письмом я и решила – поеду-ка, заберу упрямыцу. Собиралась слишком долго, но, наконец, приехала.

– Но. тётушка, как мне просить об отпуске? Я не могу и не буду – у меня нет причины. Я ведь могу только раз в году, Вы же знаете.

– Нет причины? Посмотри на себя в зеркало! К тому же, я успела договориться и с паном директором, и с паном инспектором – все в порядке. С четверга ты в отпуске. Здорово, да?

– Это правда?

– Сама же понимаешь, что правда!

– Вот, отец пишет – здесь... – сказала Лидушка, доставая письмо из кармана, – «Пан советник только рад будет, если не откажется. И пан Онджей поддерживает».

– Правда? Мне не верить, что так... Уже... О, Вы так добры, тётушка! – прошептала Ольга, целуя ее руку.

– Так и есть, дочка! Значит, договорились? В четверг едем. А сейчас я за покупками.

Она поднялась, чтобы уйти, а за ней и Лидушка. А когда Ольга провожала их до двери, тётя обернулась и на лестнице, погрозив пальцем и громко усмехнувшись:

– Всё же уговорила тебя, упрямыца! Вот так!

Постояв на крыльце с тётей и Лидушкой, Ольга почувствовала себя счастливой и благодарной. «Итак, – думала она, – есть кто-то на земле, кто думает обо мне и кому я нужна!

А тётя так похожа на маму... Раньше я и не замечала, потому что тётя энергичнее и сильнее... Но похожа... Есть что-то во взгляде... Правильно ли, что я согласилась? И что подумают ученики в школе? А Дубково... Хозяин передал мне привет? Да, ждёт...»

И Ольге принялась припомниться отца Лидушки. Впервые в самого раннем детстве, совсем маленькой она удивилась, услышав, что этот старый пан – жених красивой, милой, но очень хрупкой и бледной барышни Леонтины, жившей со своей овдовевшей тётей, которую называла «золовкой», потом вспомнила хозяина поместья, убитого горем, когда она горько оплакивала с остальными смерть милой Леонтинки, и от тётки узнала позже, что после этой смерти малый сирота. Так рассказывала пани Махова в Праге, но уже через несколько лет стала приезжать чаще, ведя за ручку малышку Лидушку... А однажды – Ольга уже закончила тогда учительские курсы – хозяин поместья сам приехал с ними и попросил Ольгу в свободное время присматривать за малышкой. Так и увидела она хозяина в третий раз, а потом ещё несколько. А Лидушка с тех пор часто гостила у неё в Праге зимой.

Ольге живо припомнилось, как часто здесь, устав от работы, до полуночи просиживала над книгой, с нетерпением ожидая момента, когда молчаливые стены комнатки снова оживит радостное щебетание детского голоса, возвещавшего о детских радостях, играх и забавах. Да, казалось всегда, что к ней прилетала пестрокрылая птичка из другого мира, переполненная радостью и успехом, не знавшая ни забот ни тяжкого, утомительного труда... Проходили годы – Лидушка перестала щебетать о господах, болтала о своих девичьих мечтах и уроках танцев, о первых балах и первых поклонниках...

И снова Ольге показалось, будто слышит она невиданную историю об ином блестящем, неведомом ей свете, и что трепетная птичка на своих крылышках принесла в её тихую каморку капельку света и тепла вечно ясного неба радостей юности, сама не понимая всей полноты чарующего неведомого многими рая...

– Да, другой мир! – шептала она теперь вспоминая Ольга, склонившись над привезенными Лидушкой нарциссами, наполнившими весь шкаф своим ароматом. – Приветствие из другого мира... Свобода, природа, глушь! Несколько месяцев свободы... Стряхнуть с себя городскую пыль и бремя забот!

Она подошла к окну и с силой распахнула его. Вечерний воздух, благоухавший слабым ароматом сирени, проник в комнату. На улице смеркалось. Издали разнеслись перезвоны пражских колоколов возвещавших о завтрашнем празднике. Крыши домов и пристроек из окна выглядели сумбурными зигзагами, становясь всё темнее, вдали из какой-то трубы валил голубоватый дым и там, в провале между крышами прояснялась полоса прозрачного вечернего неба, и на её фоне в вечерней дымке вырисовывался силуэт собора святого Петра.

Как часто, на протяжении стольких лет с вечера и до утра стояла Ольга у окна! Уже знала каждый ночной мешок, защищавший крыши от копоты, каждую трещинку в стене, знала, все окна, выходившие во дворики, игры и голоса ребятишек, возящихся с паровозиками, каждую веточку чахлах кустов сирени, тянувшейся из тесного садика всё выше и выше, будто пытаясь взлететь к потоку лучей солнечного света, изредка блуждая между крышами домов унылого тенистого двора. Нынче кусты цвели цвели скудно, но и эти белые цветки запылились и покрылись сажей. Так и висели грустно на стеблях, но к вечеру всё же наполняли двор опьяняющий ароматом, как будто вздыхая о воле и свободе...

Ольга остановила взгляд на яркой полоске неба выше городских крыш, над которой виднелся собор Святого Петра. Ей всегда казалось, что там за горой открывается новый мир – жизнь, свобода, воля...

А теперь она любовалась силуэтом собора Святого Петра, медленно погружавшегося в вечернюю тьму. Красное золото смелой тучки, парящей над крышами, всё заметнее серебрилось и только там за горой был ещё виден краешек ясного неба, золотого и прозрачного, будто окунувшийся в новый мир, полный света и нетленного блеска.

Невыносимая тоска захватила её мысли жадной чьего-то нового, неизведанного и великого – распахнуть крылья и летать... Всё увидеть, познать, жить...

Со стороны галереи, выходящей во двор, послышался звук песни – тихий, сладкий, успокаивающий. Жена слесаря стояла на паровозике и пела своему младенцу... В тот время, как старший малыш прижался к её коленям. Ольга любовалась поющей матерью и затихшим в её руках ребёнком, белобрысым мальчуганом, который прижавшись к коленям матери, уронил в них личико, и, прикрыв лицо ладонью, Ольга тихо зарыдала:

– Жизнь... Боже мой, что есть жизнь?

***

Пан советник беспокойно шагал по комнате, время от времени останавливаясь и поглядывая в окно. Крупные капли дождя на оконном стекле мутно отдаляли горизонт, а меж тем начало смеркаться.

– Что-то долго не идут...

Пан Одржей оторвал глаза от газеты.

– Долго, – медленно проговорил он, смахивая пепел со своей сигары и задумчиво наблюдая за колечками дыма.

Братья не были похожи. Разве что очертаниями лиц, с выступающим лбом и прямым носом, но всё же отличались родовым сходством, хотя и далеко не всем заметным на первый взгляд.

Пан советник был коренастым человеком среднего роста, которому уже стукнуло шестьдесят, однако его выправка, горящий взор и свежий цвет лица вводили в заблуждение в противовес его лысеющей голове и седеющим бакенбардам. Естественную живость его движений, как и темперамент, приправляла лишь некоторого рода торжественная, не слишком суровая серьёзность, что вошло в многолетнюю привычку, наложив своеобразный отпечаток на всю его манеру держаться, что отражалось и на его лице.

В тот момент тёмный взгляд из-под густых бровей пана советника упал на накрытый стол и живо сверкнул от радости, в то время как иссиня—голубой взор пана Одржея оставался задумчивым и мечтательным. То был взгляд человека, погружённого в свои помыслы, тот смотрел на один мир, а видел совсем другой, взором обращённым скорее внутрь.

В его светлых волосах лишь кое-где можно было заметить проседь. Не слишком примечательная внешность всё же менялась с каждым движением тела или при простом наклоне головы, сливаясь с движением кресла-качалки, так часто делают люди, не привыкшие жить по своей воле.

– Я ещё не сказал тебе, Одржей, что получил приглашение от жены фабриканта, – сказал пан советник, – Лидушка на последнем балу произвела фурор – полный фурор. Всегда знал, что эта девушка будет иметь успех у мужчин – как огонь! Опять же, наша, из Дубкова, а когда ты, старый суслик, уже выползешь из своей норки, с дамами познакомиться, себя показать, а?

Робкая, слабая улыбка скривила лицо пана Одржея.

– Вряд ли смогу, – тихо отозвался он.

Советник проницательно взглянул на него с усмешкой:

– Ты боишься, прямо как новобранец перед призывом, что твой степенный деревенский уклад нарушить женское щебетание, – Но подожди... Кажется... Уже идут!

И уже через пару мгновений гостиная наполнилась добросердечными приветствиями шумного общества. Так стало уютно в этой светлой, большой гостиной, простой, полной удобства, где каждый уголок дышал заботой женской руки, и где сияющий подвесной светильник мягко освещал богато накрытый стол.

Советник торжественно уселся во главе стола, посадив Ольгу справа от себя, и принялся оживлённо беседовать с девушкой в основном о своей дочери Лидушке, выражая госте искреннюю благодарность за всю заботу и любовь, которую та подарила его чаду.

– Мы в долгу перед Вами, барышня, в большом долгу, надеюсь, наша дружба всё покроет!

Ольга признательно взглянула в его глаза, ответив на любезный взгляд:

– Я у Вас счастлива, как у родных!

– Так и должно быть, барышня Ольга!

– А! Вот наконец и пан священник! – воскликнула пани Махова, приветствуя статного, высокого человека со сверкающим чёрным взглядом и сединой в волосах.

– Вот наш священник, барышня, – представил пан советник, – Ему нет ровни на зайцев и на слово Божие!

– Что ж ты с ходу дамам пастора представляешь? – пожурила хозяйка, – Это деревенский обычай, барышня, а пан советник иногда забывает и не следит за своей речью.

– А что я сказал? Это – лучший проповедник.

– А кто не слушает проповеди?

– Отличный охотник!

– Обратите внимание, барышня, что слова его не лишены зависти, – сам-то зайца из под носа не раз упускал!

– Ну, ясно! – усмехнулся пан советник, – А теперь скажите нам, почему так долго не навещали нас?

– Задержался с доктором. Тот попал под проливной дождь в открытой коляске и заехал ко мне сушиться.

– Почему к нам не привели? – спросила пани Махова.

– Предложил – отказался.

– Жаль, – я бы показала ему нашу Барчу. У неё рука болит, – отозвалась пани Махова.

– А если бы приехал, то они с папой весь вечер спорили бы о политике, – сказала Лидушка, – И нам бы пришлось слушать бесконечные, пространные пояснения слов министра, что тот сказал или не сказал, подумал или не подумал, сделал или не сделал, или о том сколько и каких у нас войск, а ещё больше, кто на кого пошёл или кто кого побил...

– С доктором уже наговорились, – сухо отозвался пан советник.

– Да, он немного вспылчив, а порой его взгляды слишком высокомерны, – сказал священник, – Я немного уклонялся от споров с ним, потому что я знаю, все они заканчиваются беседами о политике...

– Ох уж эта политика! – отмахнулся пан советник, – Когда он уже оставит свои мнения при себе! Пан доктор, – продолжил он невозмутимо, – Довольно редко бывал у нас последнее время. Уже целый год у нас не был, а по мне так может и не являться совсем! – прибавил он, чеканя последнее слово.

– Слышал, люди теперь воздерживаются, – поинтересовался пан священник.

– Пожалуйста, не удивляйтесь, – отозвалась пани Махова, – Это местные болтают. Люди любят рассуждать о том, что их не касается.

– Кому ведомы сердца людей, – ответил пан священник, – Кроме Господа.

Пан Одржей, что уже давно сидел молча, вдруг поднял взгляд:

– С ним точно обошлись несправедливо.

Советник пожал плечами:

– Может быть, но кого только теперь не компрометируют...

– Доктора скомпрометировали, папа? – спросила Лидушка.

– Вы только посмотрите! Всё надо знать?

Лидушка, поняв отцово наставление, смолкла. Но через минуту шёпотом спросила своего соседа дядюшку Гудроева, который, однако, оскорбил ее односложным ответом.

– Сегодня доктор поведал, – продолжал пастор, – Что сюда приедет его племянник. По его просьбе и просьбе доктора ему предоставили место в карловицком суде.

– Какой племянник?

– Пан Веселы – сын адвоката из Праги

Лидушка слышав это имя, наклонилась к Ольге и зашептала ей на ухо:

– Помнишь, Ольга, я говорила – это тот мой поклонник.

– Ах, помню, пан Веселы. Хорошо знаком с его отцом, – сказал пан советник, – Ну теперь Карловицким барышням будет новый напарник на танцах и новая забота.

– А что, папенька. в Карловицах не намечается ни одного бала? – спросила Лидушка.

– Намечается лишь академический.

– Уже сейчас не терпится повеселиться!

– А я бы посоветовала никуда не торопиться, – отозвалась пани тётя.

Лидушка с изумлением взглянув на тётушку, на устах которой уже притаилась шаловливая улыбка, воскликнула:

– Да знаю я свою добрую тётушку! Конечно, мы поедем, да ещё и Ольгу с собой возьмём!

– А теперь давайте выпьем за здоровье нашей дорогой гостьи! – воскликнул пан советник, – Налейте нам «Мельничины»¹!

– Итак, барышня Ольга, – поднял он свой бокал, – Чтобы Вам всегда было хорошо у нас, и чтобы мы навсегда остались добрыми друзьями!

Ольга взволнованно оглядела лица вокруг, излучающие сердечное тепло и свет, струившиеся ей навстречу, что ей показалось, именно здесь и есть её тихий приют, где она смогла обрести тепло семейного очага на всю оставшуюся жизнь.

***

После дождливых дней наступило солнечное утро – птицы в Дубковском саду распелись, будто готовились к состязаниям.

Поместье Дубково стояло в сторонке от извилистых берегов маленькой речушки, окаймлённой лесными опушками. Так что сад поместья возвышался как терраса. В верхней стороне сада возвышался двор, в центре его над старым фонтаном склонились столетние липы – и уже за поместьем распростёрлась деревня.

В это самое время, будто цветком из-под снега выбивалась она из-под почерневших деревянных стен домов, потемневших от дождей, с соломенными крышами, усыпанными мелким липовым цветом. За деревней зеленел луг, обвитый речушкой и укрытый зарослями ольхи и вербы.

По краю луга тянулось через долину, в полчасе езды по старой широкой дороге, вдоль которой виднелись старые соломенные пристройки и указатели местности, засеянное поле, а за ним чуть выше – берёзовая рощица.

Ближе к рощице на верхней стороне стояла небольшая часовня, над которой склонила свои ветви старая, вековая липа. С другого берега реки, если медленно подниматься и опускаться по склону, тоже можно заметить макушку часовенки да ещё крыши городка Карловиц.

Утреннее солнышко быстро высушило росинки, жемчугами украшавшие цветы, когда Ольга с Лидушкой, вышли из своего сада, направляясь дальше к деревне.

Ольга, останавливалась на каждом шагу, так как не могла наглядеться на деревянные террасы и резные фасады домов, увитые цветами, склонившимися до пышного зеленого мха, которым бурно заросли старые соломенные крыши. Потом завязала беседу с ребятами,

---

¹ Моравское белое вино.

в большинстве своём неумытыми в выцветших рубашонках, босиком бегавших по крылечкам к водостокам под окнами и по лужам после вчерашнего дождя.

Впервые в жизни Ольге довелось лицезреть всю эту красоту. Её воскресные поездки весной становились всё короче с каждым годом, поскольку с каждым годом слабел шаг старой матери, опиравшейся на её руку.

Летом она бывала на природе со своими школьными учениками или коллегами.

На летний отдых денег не хватало, а на приглашение в Дубково откликались нечасто: не хотелось матушке принимать ничьих приглашений из гордой бедности, доходящей до болезненной тревожности.

Лидушка побежала на луг собирать цветы, а Ольга, прислонившись головой к дереву, смотрела вперёд.

На неё будто повеяло чем-то новым, ранее не ведомым, таким дурманящим воздухом весны, напоённой ароматами и слепящим светом, будто убаюкивающим неведомой колыбельной, и взгляд девушки скользил с одного на другое. Она смотрела на огромные ветви старых пристроек, на пышные соцветия, отражавших своей белизной темно-синее небо, на длинные стебли цветущих трав, по которым ползали жучки, на трепетный полёт птиц и бабочек над цветами, отчётливо припоминая суету и суматоху города с закопчёнными улочками и тёмными силуэтами людей в тусклом свете фонарей, а также душный школьный класс с чёрной доской – и тут же перед глазами запестрели цифры и буквы из её учебников.

Здесь цветы благоухали, птицы распевали, ото всюду слышался таинственный шум тихого течения жизни тысяч крошечных созданий – и всё это – и движение и радость, шипение, и запахи, всё живое вокруг – наслаждается жизнью как пролетающим моментом с полным правом на удовольствие – смиренно, не рассуждая сладко сливаясь с потоком великой природы.

К чему судить да рядить о каждом шаге, зачем он и для чего – ведь жизнь проходит. Жизнь молодости – это жизнь?

И вдруг её охватило болезненное уныние. Ох, не было у неё молодости – никогда не было! Что было смолоду? Было ли счастье? Лишь иногда в счастливые моменты детства... А потом умер отец, начались тяготы беспокойства о хлебе насущном, и годы трудов и жертв. Когда, наконец, она получила место младшей учительницы, мама начала болеть. С утра до ночи приходилось посвящать ей, чтобы было удобнее и легче продлить дни жизни. Но всё напрасно. Зачем отняли единственное, ради чего стоило жить – любовь к матери! Если бы она осталась, не о чем было бы сожалеть, а вот теперь гложут сожаления об утраченной молодости.

«Мне уже двадцать шесть лет. Слишком поздно!»

На яблоне щебетала пеночка. Ольга посмотрела на соцветие белых цветов, спадавших ей на руку и подумала: «Поздно... Для чего? Для счастья в любви».

И сама поразилась своим разбушевавшимся помыслам. Девушка ни разу и не помышляла о счастье в любви. Даже не задумывалась. Вообще никогда. Ни на миг. Правда, никогда. Ой, что теперь за мысли? Ольга отвернулась, будто отряхнувшись от них. «Нет. Не буду об этом думать! Вон как птицы щебечут!! Как здесь прекрасно, какой аромат от цветов, будто в голову ударяет!»

Вернулась Лидушка с большим букетом полевых цветов. И обе девушки уселись с ними на траве под яблоней, укладывая цветок к цветку, плели венок, и их голоса услышали радостно звенели.

Какими разными были эти девушки! Первая была в самом расцвете весенней юности, ещё нетронутой горестями розовощёкой семнадцатилетней свежести, с неизменной улыбкой на личике, без единого оттенка грусти, с беззаботностью баловня судьбы,

И вторая постарше, с тёплым и задумчивый взглядом выразительных серых глаз и еле заметной улыбкой, за которой спряталась затаённая печаль.

Глядя на цветущее лицо Лидушки, вряд ли можно было угадать в чём именно очарование этого создания – лицо было просто красиво каждой своей чёрточкой. Носик чуть вздёрнут, глазки чуть прищурены, как будто лукаво прячась под широким светлым лбом. Во время смеха Лидушка ещё сильнее прищуривала глазки, потом вдруг распахивала их, и в густых, длинных ресницах вспыхивали яркие искорки. Видящий эти смеющиеся глазки полыхающие огоньками и улыбку девушки, взлетающую уголками рта вверх, тут же воспламенялся как от электрического заряда от этой искорки, потому что девушка смеялась всем своим существом, даже светлые волосы будто становились ещё светлее.

Лицо подруги было бледнее и скромнее. Темно-каштановые волосы зачёсаны на лоб и свёрнуты косами вокруг головы. Ярко очерченный профиль лица подчёркивали выразительные серые глаза, казавшиеся необыкновенно большими, особенно когда расширялись при свете, что их делало ещё и темнее. Не хватало им той электрической искорки как у Лидушки, глаза Ольги совсем не искрились, а лишь оведали мягким тёплым светом, и каждый заглянувший в них не мог не довериться мягкой, спокойной улыбке, игравшей на лице девушки. То было одно из тех лиц, в котором, как в зеркале, можно узреть движения души, выражение которого меняется с каждой сверкнувшей мыслью, при каждом новом восторге. Но даже когда та смеялась, на её лице оставался молчаливый отпечаток задумчивости, не способный раствориться даже в кипении беззаботного веселья и радости, будто мягко оттенённый скрытой горечью, затаившейся где-то в глубине души за приветливой улыбкой.

Обе девушки так увлеклись плетением венков, что не заметили, как кто-то подошёл к ним. Человек в сером костюме с сигарой во рту шагал размашистым шагом, задумчиво глядя на дорогу перед собой. Лет тридцати – сорока, высокий статный, с короткими чёрными волосами и бородкой, обрамлявшими его лицо.

Звук беседы отвлек его от мыслей. Путник остановился на пути, рассматривая девушек, плетущих венки. В его глубоких, тёмных глазах и во всём лице отчётливо просматривалась страстная и глубокая натура, определенно склонная к меланхолии, глубокая тень на его лице в этот миг оживилась улыбкой, просветляя лицо. С минуту его взгляд, внимательно и испытующе скользил с одной девушки на другую, после чего путник выбросил сигару и коротко и вежливо поприветствовал:

– Доброе утро, барышни!

Девушки с удивлением осмотрелись.

– Небеса! Как Вы напугали, пан доктор! – воскликнула Лидушка, вставая и подавая доктору руку. Потом быстро обернулась и представила:

– Доктор Калина – барышня Ольга Мышликова, про которую мы рассказывали.

– Я уже знаком с барышней, – чуть уклончиво сказал доктор.

– Мы с Вами знакомы?

– Барышня уже и не помнит – это было так давно – а барышня Лидушка, с которой нас тогда ещё не знакомили, была совсем маленькой... Мы встречались в Праге на пароме...

Ольга тут же взглядела в его лицо:

– Точно, припоминаю! Тогда ещё был сильный ветер, который унёс Лидушкину бумажную куклу, и она бежала за ней по берегу реки... И в тот же миг появился молодой, вежливый пан студент, помнишь, Лидушка?

– Нет, не помню.

– А я хорошо помню девочку, кричащую от страха, что бежала за маленькой девочкой, – отвечал доктор.

– А Вы ко мне так быстро подскочили, почти обогнали, а потом поймали ту несчастную куклу! Точно, точно! Я Вас не узнала – из-за бороды, наверное.

– А я уже совсем забыла, и не помню ничего из того, что Вы рассказываете, доктор, хотя Вы и спасли жизнь моей кукле, – удивлённо воскликнула Лидушка и добавила, – Хотите помочи плести венки? Ещё остались цветы.

– Помогать не буду – просто посмотрю!

И доктор уселся на траве, а Ольга почувствовала на себе его пристальный взгляд.

– Как барышне нравится наш край?

– Не спрашивайте её этом – она восхищается каждой прогнившей соломенной крышей!

Ольга посмотрела на доктора и медленно произнесла:

– Вы не поверите, но я не знала что значит весна, не видела раньше, как цветут свеколь-ные поля, как появляются из под снега цветы. Прямо как в сказке! Боже, как наверное, тут счастливы люди!

Доктор слегка улыбнулся:

– Полагаете барышня? А ведь и здесь у людей бед хватает, как в городе.

Ольга недоверчиво покачала головой и посмотрела вдаль на дорогу, по которой приближались два черных силуэта.

– Я знаю, что люди и здесь страдают, – продолжала она, – Но не живут, по крайней мере, в тесных домах на темных узких улицах, и дышат свободнее под ясным небом, радуясь всей этой красоте вокруг.

– Но они не видят всего этого Вашими глазами! Они уже забыли, что небо голубое. Когда нечего есть, не до аромата цветов – от него только хуже.

– Вы просто привыкли видеть страдания людей, так что уже не понимаете, что большинство из них счастливы – ведь есть же счастливые.

– Ох, очень мало!

– О, нет – я верю, их много!

До сих пор неразличимые очертания на дороге приблизились, и Ольга смогла разглядеть сгорбленную женщину, которую вёл ребёнок.

Все смолкли при взгляде на женщину. На ней была старая разодранная юбка и чёрная грязная орлеанская куртка, которая, по-видимому была сшита на человека большей комплекции и на путнице просто висела. Большая часть правой ноги была забинтована. Одной рукой та держалась за ребёнка, а другой опиралась на палку, выставляя её вперёд и крепко вдавливая в землю. Лицо сморщено, мутные глаза неподвижны. Она была слепой.

Когда люди приблизились, оборванная девчужка с пожелтевшим лицом и скромным, провалившимся тёмным взглядом остановилась и прошептала несколько слов своей матери:

– Где я? Где мы? – вскрикнула та, протягивая перед собой руку, будто пытаясь за что-то схватиться.

– Было нечто болезненное, печальное в этой протянутой руке, в её невидящих глазах, что доктор встал и подошёл к женщине:

– Как дела, Холинова?

Едва слепая коснулась рукой его одежды, отпустила девочку, и та обеими руками обняла доктора.

– Её милостью, пан доктор! Позвольте отблагодарить, пан доктор, разрешите ей поцеловать Вашу руку! Пресвятая Мария Святогорская, это Она послала. Сегодня ночью видела Образ и сказала:

– Анча, сегодня будет нам счастье!

– Куда путь держите, милая? – спросил доктор смущённо. Слепая всё ещё держалась за его руку.

– Куда милосердный Бог направит. Я молюсь Ему каждое утро, читая один раз «Отче наш» и один раз Богородичную. Вот так с Божьей помощью...

– Как ваше здоровье? – прервал ее доктор.

– А, что, болезни – всё от Бога – нога вот подводит, никак не заживает – еле получила от добрых людей тот крейцер.

– Ступай домой, дорогая Холинова... Сегодня у меня в деревне много дел... Как-нибудь зайду... Ступай, ступай!

– Да оплатит Вам Отец Наш Небесный стократ за Вашу доброту ко мне, грешной!

Девушки подали слепой милостыню, и та непрестанно рыдая благодарила их, продолжая голосить уже издали.

Ольга смотрела вслед на её темный, оборванный наряд скрывающийся в пестреющем цвете луга. И тут же на лоне дивной природы красу мира накрыла тень человеческих страданий...

И на минуту Ольге показалось, что эта тень упала на цветущий мир, и солнце уже не светило так ясно...

– И здесь страдания... – прошептала она.

– А я что говорил? – с мягким теплом и сожалением спросил Ольгу доктор. Та в волнении встретилась с его взглядом. Это не был прежний испытующий взгляд, то был пристальный, пронизательный взгляд, совсем иной, с другой улыбкой – тёплый и душевный. И каким прекрасным показалось ей его лицо!

– Вы были так добры к этой несчастной, пан доктор, – страстно вымолвила она.

– Да ничего особенного. Хлопочу за неё, чтобы пристроить. Негоже с дитём по миру колесить в холода, ночевать в сарае из досок, в сбитой к наспех пристройке, поросшей мхом, к тому же рядом с козой местного пастуха.

– И это возможно! – негодовала Ольга.

– Что именно? Не понял...

– Ночевать человеку с козой...

– Эта коза всё же кормит, молоко даёт, и цены ей нет, потому что спасает жизнь слепой нищенке.

– Какой ужас!

– Да, ужас...

Ольга снова взглянула на доктора. Его лицо опять стало строгим.

Все умолкли.

Лидушка, сплетая венок, всё чаще посматривала на доктора. Тот и ей показался совсем иным, нежели в долгих беседах о политике с её отцом. Тогда он бывал таким нудным, что становилось скучно слушать. А порой бывал весел, остроумен до сарказма, чуть не каждого готов был жестоко высмеять. Никогда раньше не обращала она внимания на его добрую, светлую улыбку.. Лидушка пристально рассматривала каждую черту его лица, пытаясь найти в нём что-то особенное, но нет, во взгляде что ли дело?

При этом почувствовала что-то обидное для себя: «Он всё время смотрит на Ольгу. А на меня внимания не обращает. А я тоже хочу такого взгляда – да, такого же!»

И закончив плести венок, весело заключила:

– Но вот и готово! Посмотрите, доктор, красивый?

– Очень красивый! Особенно незабудка, среди белых цветов!

– У меня ещё несколько цветов осталось. Что с ними делать? Поделим их? Ты, Ольга, звонкая, тебе колокольчики, а Вам, доктор, вот сюда эти прекрасные маргаритки!

– Ромашки! – поправила Ольга, и подумала, зачем девушка дарит ему цветы?

– Полюбуйтесь на учительницу! – радостно ответила Лидушка, – Кто назовёт ромашку? Вот маргаритки, по сути похожи, и тоже могут добрым людям погадать. Вот Вы, доктор, гадаете на кого-то по ромашкам: «Любит – не любит!» Только честно?

Ольга с удивлением смотрела на Лидушку. «Как та заговорила с ним! – подумала она. – Что за смелость и откуда взялась? И как по-новому она смотрит на доктора!»

– А не всё равно, на кого я гадаю? – отвечал тот.

– Тогда вот Вам цветок на шляпу!

Доктор подал шляпу, чтобы прикрепить цветы.

Лидушка рассматривала его тёмные волосы и бледный лоб, и её личико озарилось шаловливой улыбкой. Она ловко вскочила на дерево и принялась трясти его ветви.

Десятки белых лепестков посыпались на голову доктора белым снегом.

Тот быстро оглянулся и отыскал взглядом за стволом высунувшуюся светловолосую головку девушки – румяную, смеющуюся всем существом, отражавшимся в блеске искрящихся глаз, улыбке и ямочках на щёчках.

– Не поймаете, доктор, ни за что не поймаете! – бойко дразнилась она из-за тёмного ствола, и доктор не удержался от смеха – её губки так и просили поцелуя!

– Эти весенние цветы быстро опадут, – отвечал он, отряхая цветы с головы.

Ольга невольно рассмеялась с ними, но смех застыл на ее губах. Что-то здесь не так. Что-то её испугало.

Взяла оба венка и спросила у Лидушки:

– Куда отнесём?

– Наверх, в часовню. Я всегда ношу туда венки по дороге домой. Пошли! А Вы куда, пан доктор?

Пойду в Лготек, к больному!

– Как скоро ждать Вас у нас в Дубково?

Тот, молча, поклонился и ничего не ответил.

– Не забывайте нас, доктор, заходите к нам чаще! – крикнула ему вслед Лидушка.

Доктор указал девушкам на тропинку к склону холма.

Тропинка была узкой. Сначала медленно поднималась, а потом резко оборачивалась голым, крутым склоном. Обе девушки молчали. Ольга тихонько шагала за Лидушкой, опустив глаза к земле.

Её мысли блуждали далеко в прошлом.

Мыслями она всё ещё витала над пристанью в Праге и, напрягая память, старалась возобновить в ней картины давно минувшего, которые теперь так остро дали о себе знать.

«Надо же, запомнил! – подумалось ей, – Неужели с первого взгляда вспомнил моё лицо? Да, да, я помню его. Но как он изменился, как стал серьёзнее и мужественнее! Я тогда даже и не думала, что снова встречу того студента. А ещё я тогда сердилась на того молодого воздыхателя, что преследовал меня на каждом шагу. Так был противен. Неужели он тогда влюбился в меня? Похоже на то.

А я? Влюблялась ли я?»

Тут одно воспоминание заставило её улыбнуться.

Ей вспомнилось, как почти весь год она была влюблена в профессора Н. и в ночь перед экзаменом разузнала, что он обручён. И когда на другой день тот задавал ей вопросы, она долго не могла сосредоточиться, всё смотрела на его лицо, слушала его голос, а мысли были лишь об одном, что тот не свободен.

По его предмету она получила «удовлетворительно», хотя знала его неплохо, и это было единственное воспоминание о девичьей влюблённости.

Всё уже перегорело. Да и было ли больно? Совсем нет. Уже двадцать шесть лет!.. Почему именно сегодня нахлынули мысли об этом?

Но упрямая мысль: «Как же прекрасно быть любимой!» не отступала.

Лидушка обернулась:

– Чему улыбаешься, Ольга? – весело спросила она

– Да так, просто радостно!

Под ногами что-то хрустнуло. Девушки остановились передохнуть.

– Послушай, Ольга, – начала Лидушка, – Интересно, почему папа вчера сказал, что доктора компрометируют, у него я побоялась спросить. Но хотелось бы понять.

И ступая дальше, прибавила:

– Я же не так глупа, и в прошлом году слышала о многом, но пан священник вчера сказал: «Она и правда сильно сдала!» О ком это ещё, как не о пани Ждарской?

– Какой пани Ждарской?

– Около полутора лет назад приехала сюда чужеземка из Карловиц, никто этой пани не знал, кроме доктора. Старая горничная. Поговаривают, будто доктор частенько к ней навещался.

– Была вдовой?

– Нет... Говорили, будто ушла от мужа. Была очень больна...

– Совсем?

– Умерла прошлой осенью...

– Ах! Как же так? – Ольга остановилась подавленная.

– О чём ты?

– Ни о чём – просто пришло в голову...

– Чего мне не стоит знать?

– Лицо доктора мне показалось печальным...

– Показалось? Может быть. В конце концов, не всё ли равно?

Они продолжили идти по тропинке. Вот уже почти дошли до вершины холма, в нескольких шагах от часовни.

Отсюда простирался широкий вид вдаль.

Над всеми постройками возвышался Карловиц, но и за ним ещё можно было разглядеть самые дальние горизонты: волнующиеся поля, сугуловатые степи, цветение зелёной весны, ещё обнажавшей тёмные стволы пышных лесов.

Взгляд Ольги, миновав прекрасные образы, остановился на дороге, будто цепляясь за деревеньку, мелькавшую за деревьями.

Лидушка, поймав её взгляд, пояснила:

– Это Лготки. Там можно доктора встретить, он как раз в эту деревню направился. Посмотри на церковь у леса – мы ездим туда по воскресеньям, И Карловиц отсюда виден во всей своей красе. Довольно большой город, там и школа крупная. А вон, рядом – видишь домик с заострённой, высокой крышей? Там доктор живёт.

Она ещё быстро называла ближайшие деревни, а потом поспешно повернулась к часовне, полукруглой кирпичной, со слабо заметной потрёпанной ветром штукатуркой на фасаде. Внутри часовня была выложена каменной плиткой, выбелена и украшена, в отдельной нише стоял большой крашенный чёрный деревянный крест.

Основание Распятия было невероятно громадным, Голова Спасителя была наклонена, но Лик вырезан довольно неумело, хотя искренне выражал боль и страдание.

Над Крестом висел небольшой светильник а у Ног Христа лежал сухой венок.

– Вот сюда, Ольга, – показала Лидушка, прилаживая свой венок, – Последние осенние цветы. А теперь обновим первыми весенними! Какой венок будет следующей осенью?

Осень! Ольга странным образом уже и забыла про это слово. Да и что думать сейчас об осени, когда ещё только весна!

Она чувствовала её своим учащённым сердцебиением, ясной, беспричинной радостью, завладевшей всем её существом, девушка будто сливалась с ароматом цветов в своих руках. Склонившись к ним, она преклонила колени и положила свой венок рядом с Лидушкиным.

– Первые весенние цветы, – шепнула она.

***

Прошла первая неделя с тех пор как Ольга гостила в Дубково, неделя звеневшая для неё праздниками, полными новых богатых впечатлений.

Каждое утро, открыв глаза, она ощущала себя светло и ясно, то ли от странной деревенской тиши, то ли возможности вдыхать полной грудью свежие ароматы вокруг, постоянно задаваясь вопросом: «Неужели всё это не во сне?»

И постоянно ловила себя на мысли: «Видела бы это мама!..»

Ольге была в новинку привольная жизнь без суеты и спешки, несвязанная никакими обязанностями, где просто своим чередом день за днём наполнялись покоем и счастьем.

Пан советник читал газеты, ездил по делам на заседания в Карловиц, беседовал с управляющим и выезжал на поля; пани Махова с утра до вечера хлопотала по дому.

Пан советник Хавлик женился довольно поздно. Не прошло и полтора года как его счастье оборвалось – о внезапно ушедшей молодости напоминала лишь живая память красавицы-жены – осиротевшее новорожденное чадо.

Он всегда помнил об отказе от полного счастья, а добрая пани Махова согласилась остаться в доме присматривать за сироткой.

Бездетная вдова горячо любила покойную мать Лидушки, сестру своего покойного мужа.

Ведение домашнего хозяйства в большом селе было для энергичной пани главной заботой; гораздо труднее далось воспитание девочки, которой та приходилась тётёй.

Её деятельное беспокойство росло тем больше, чем старше становилась Лидушка. Со всеми своими заботами она обращалась к племяннице, частенько сетуя: «К чему мои старания, если папенька всё по-своему скажет!» И девчонка знает, что всё будет так, как ей заблагорассудится!»

Когда Лидушку отдали в школу в Праге, тётушка принялась присматривать за тем, чему её учит Ольга, и о том, что не удалось исправить по мягкости отца и строгости тётёй, тактично умалчивалось.

В начале своего расцвета девушка с присущей ей живостью обильно ведала лишь старшей подруге обо всех своих девичьих снах и мечтаниях.

Но разница в возрасте и характере стала скоро сказываться на дружбе девушек. Дружба эта скорее сменилась неким подобием отношений матери и дочери, в которых более сильная оказывала поддержку более слабой.

Чем больше пан советник наблюдал за дружбой девушек и их влиянием на Лидушку, тем больше уважал и любил Ольгу. К немалой радости и пани Махова воодушевилась принять дорогую гостью. Пан сам показывал Ольге хозяйство и окрестности, часто в сопровождении брата Ондржея.

– Какой-то мой брат недотёпа, барышня! Даже не знает, как к дамам подступиться. В старину и то таких не бывало.

Пан Ондржей всегда краснел, чувствуя свою вину и раскаиваясь, и обернувшись к Ольге безо всякого перехода принимался говорить с ней о недавно вышедших изданиях английской и французской литературы.

Станный человек, этот пан Ондржей, думалось иногда Ольге. Даже в отношении с другими. Казалось, при всём своём радушии к семье, он часто закрывался от неё за словом, улыбкой, а то и насмешкой.

Он жил будто не здесь, рядом со всеми, а в мире своих мыслей, своём особом мире, никому более неведомом.

Часто задумываясь, тот отвлекался и не участвовал в общих разговорах, потом вдруг после молчания-будто вспоминал, об обязанности поддержания разговора и без всякого предисловия вплетал в беседу свою ремарку, что вызывало недоумение, а то и недоверие собеседников, так что мало кто доверял его заумным присказкам.

Пожалуй, только Ольга внимательно выслушивала его замечания, так что тот часто обращивался к ней в беседе.

Во второй половине дня дамы собирались в саду за рукоделием, иногда пан священник приезжал поиграть с паном советником в шахматы, а иногда к ним заезжал кто-либо из Карловиц или окрестностей.

Пышно цвела сирень, не отставали от неё и каштаны, а птицы заливались весёлым щебетанием в зарослях дубковского сада.

Однажды вот так после полудня, задержавшись с тётёй и Лидушкой в саду, Ольга обратила взор к дороге позади сада и громко вскрикнула:

– Боже, дети идут из школы, совсем как мои ученики сейчас в Праге, а я тут прохлаждаюсь!

– Эка невидаль! – проворчала пани тётя, – Значит, надо, чтоб прохладилась! Учись у пана Ондржея, как прохлаждаться!

Пану Ондржею можно, он всё-таки профессор, – ответила Ольга извиняясь.

– Профессор, который не хочет читать лекции..

– Он ежедневно изучает книги.

– Как же, изучает? – усмехнулась тётя.

– И что-то пишет...

– Посмотрим, что он там напишет, – все ненадолго смолкли.

Пани тётя вязала, а Лидушка усердно трудилась над пальцами.

После паузы Ольга спросила:

– Почему пан Ондржей до сих пор не женился?

– Не женился? А что у этого человека вообще на уме? Никто не знает.

– Но, тётушка, мне кажется, у вас с паном Ондржеем мог зайти разговор об этом, – улыбнулась Ольга.

– Даже в голову не приходило! – отрезала тётя

В этот момент пан Ондржей проходил мимо и остановился в нерешительности, боясь побеспокоить дам.

Пани Махова шаловливо посмотрела на него с едва заметной улыбкой на губах, не предвещавшей ничего хорошего.

– А мы тут как раз о Вас говорили, пан Ондржей...

– Тётушка! – умоляюще зашептала Ольга;. Но тётя лишь отмахнулась.

– Кое-кто интересовался, почему ты до сих пор не женился? – пан Ондржей смутившись, помолчал с минуту, оглядев собеседниц, и ответил с лёгкой улыбкой:

– Пока не было такой мысли!

– Слышала? Мысли не было! – сердито взорвалась пани тётя. При этом смерила Ольгу взглядом так, что ты смутилась, потом рассмеялась, – Ну, не беспокойтесь об этом, пан Ондржей, я пошутила. И Лидушка, и барышня Ольга были бы рады подружиться с Вами.

– Почту за честь! – отозвался пан Ондржей, несколько вызываясь, чем прежде глядя на пани тётю.

– А Вы не забыли, пан Ондржей о своём обещании нам? – быстро нашлась Ольга, – Вы обещали показать нам в лесу детёныша косули?

– Конечно, не забыл.

– И когда это будет?

– Сегодня вполне возможно. На поляне их пять ли шесть. Если всё ещё хотите, можно сходить посмотреть.

– Прямо сейчас?

– Точно так!

И уже через минуту Ольга с Лидушкой в сопровождении пана Ондржея покинули сад.

– Пан Ондржей беседует с девушками, – заметил пан советник, присев за столик под клёном подле пани Маховой и разворачивая свою газету.

– Пошли с ним лес. Девушки хотят посмотреть косуль, – отвечала пани Махова.

– И он согласился? Ну, это прогресс!

И отложив газету, пан советник повернулся к пани Маховой:

– Должен Вам признаться, пани, что эта барышня Ольга хороша, и даже очень!

– Ну и что с того? А то я не знаю! Вся в мою покойную сестру, – раздражённо отмахнулась пани Махова.

– Не сердитесь, пани тётушка, – оборвал её отповедь пан советник, – Но признаюсь, поначалу думал, что вот приедет учительница из города, раскапризничается на все лады, а человека надо женить. Но эта девушка и вправду кроткая. Безо всяких указаний всё мирно решилось. Всегда приветлива, со всеми общий язык найдёт, да и собой недурна...

При этих словах лицо пани Маховой вытянулось:

– Но у этой девушки своя забота, – вздохнула она, – Со своим учительством, так и надо кого-то чему-то научить. Разве это занятие для молодой особы? Вся в книгах и чужих детях. А потом что?

– Но всё можно изменить, пани тётя, она прекрасно повзрослела, похорошела, может и жених найдётся? – и пан советник чуть задиристо взглянул на тётушку, будто ища что-то в её чистом облике, но та отмалчивалась, и он продолжал, – Чего только на свете не бывает! И у медведей в наших лесах сердца пылают. Может и наш старый медведь ещё и...

Пани тётя взглянула на пана советника и засмеялась:

– Полагаете, пан советник? Этот... Вряд ли.

– Да, с этим вряд ли! – согласился пан советник и пробормотал про себя, – Но я всегда говорил, коли его хоть один женский взгляд его заметит, от него не убудет. Не всё же быть книжным червём! – и он снова погрузился в газету.

Потом снова поднял голову, когда вернулась Лидушка с букетом лесных цветов.

– Ну, как – видели косулю?

– Да где уж там! Дядя всю дорогу философствовал, о том, что было – от сотворения мира до наших дней..

– Ну, ну, так уж и всю...

– По-моему, да. По мне так, целая проповедь. Так всех косулей в лесу перепугать можно! А птицы так красиво пели! Я ему так и сказала: «Дядя, ты своей философией портишь людям прекрасный весенний вечер!»

– Ладно!. А что барышня Ольга?

– Она его защищала, – сказала, что интересно. Но я не думаю, что взаправду. Знаешь, папенька, – прибавила она с веселым смехом, – Если надумаю выходить замуж, первым делом узнаю у жениха, не изучал ли он философию, и если да, то откажу ему, потому что мне и дяди-философа хватит!

Пан советник рассмеялся и погладил Лидушку по голове.

***

Ольга между тем возвратилась с прогулки в свою комнату, любуясь широтой вечернего неба. До ужина оставалось достаточно времени, и она, набросив лёгкую накидку, выскользнула через заднюю калитку к полю. Повернув на дорожку вдоль склона, мимо часовни, она задержалась на пару шагов по пути к берёзовой роще. Дрожащие кроны берёзок загадочно шелестели, временами им вторил тихий птичий щебет, а из долины и со стороны села слабо доносились оклики крестьян и скрежет плугов, возвещавших конец работ в поле.

За горизонтом исчез последний золотой луч солнца, и потемневшие окрестности постепенно озарились румяным закатом.

Край неба между крышами, которым она часто любовалась из своего пражского окошка, был так узок, а здесь, напротив, наблюдалась вся ширь горизонта под куполом неба, расплывшимся голубоватым океаном с множеством волн румяных и вольных тучек. Залюбовавшись на эту картину, Ольга сама чуть не взлетела с этими тенями, к ясному небу. Лишь лёгкими шагами нарушив тишину, она оглянулась и увидела маленькую девочку, бегущую вверх к пролеску. Ребёнок не заметил Ольги за стволом крайней березы, на который та облокотилась. Но их разделяла всего пара шагов. Заметив её, девочка вскрикнула, но узнав Ольгу быстро подошла к ней и поцеловала руку.

– Это ты, Анча? – спросила Ольга, узнав дочку слепой, – Куда направляешься?

Девочка молчала, глядя в лицо Ольги и вдруг с еле заметной кроткой улыбкой добавила вполголоса, довольно уверенно и доверчиво:

– Иду в Крблин.

– Это далеко?

– За полем, где часовня.

– А почему топропишься?

– Чтобы не побили?

– Кто может тебя побить?

– Хозяева, если заметят...

– Ты же не воруеть? – спросила Ольга, подчеркивая последнее слово.

– Нет, конечно, не ворую! – оживлённо вскрикнул ребёнок, – Собираю клевер.

– Но клевер не ваш, если растет в чужом на поле, так что почти кража, Анча, – и Ольга наклонилась к девочке, обхватила её головку руками и повернула детское личико к себе, – Не хорошо, воровать, Анча!

Взгляд ребёнка мгновенно стал тревожным. И та быстро отвела взгляд от лица Ольги, уверенно кивнув:

– Я не ворую. Просто у меня живёт кролик. Его надо кормить.

– А почему не нарвать травы на лугу или попросить у любой хозяйки в селе клевера для кролика? Никто не откажет!

– Ой, нет! Ещё схлопочу от них. И никто не должен знать, что у меня кролик, а то заберут!

– И где же ты его прячешь?

– Под кроватью.

– Где же вы ночуете? Далеко?

– Да нет! Там за рощей в Хломку. Всё там же в хлеву.

Часовня на вершине холма указывала на рощу и поля. Деревеньку можно было объехать примерно за четверть часа. Ольга, на мгновение поколебавшись, взглянула на часы и сказала:

– Покажи мне дорогу к вам, и я завтра пришлю вам корм для кролика.

Девочка повернулась и пошла быстрым шагом впереди Ольги.. На краю леса в нескольких минутах езды от деревни стояла неопрятная, небеленая хатка, из трубы которой вился синеватый дым.

– У пастухов вариться ужин, – пояснила Анча, – У них сегодня картофельная похлёбка, днём дымилось.

– С ними живёте?

– Да, нет! Им другой святой помогает, не то, что нам...

– А у вас что сегодня на ужин?

– Мы не готовим, у нас плита сломана. Ещё со Сретения.

– Почему не попросите старосту починить?

– У него всё времени нет, а у нас и топить нечем. Когда появляется картошка, просто кладём её в горшок к пастухам.

– А не мёрзнете?

– Ну да! Но сейчас не так... Раньше в нашем сарайчике пастухи козу держали, – ответила девочка, указывая на деревянный флигель, приколоченный к хатке.

Они подошли ближе и вошли в подклети.

Голые стены, маленькое окошко с единственной рваной занавеской, вытопанный глиняный пол, в углу слегка проваленая плита, на ней на кирпичках два горшка, миска и жестяная ложка. Постель устлана соломой, маленький столик с ветхим стульчиком – всё это не ускользнуло от первого же взгляда Ольги. Над постелью на стенном крючке висели залатанные обноски, на постели почти совсем не осталось соломы, так как она разлетелась повсюду. Постель покрывало ветхое одеяло до того грязное, что цвета не разобрать было невозможно.

На постели сидела полуслепая женщина, обхватив руками колени:

– С кем ты, Анча? – повернулась она к двери.

– Помогите Вам Господи, Холинова!

– Христе Боже! Милостивая барышня! – вскрикнула слепая, спешно опуская ноги и тяжело ступая перевязанной ногой, поплелась прямо к Ольге поцеловать руку.

– Не вставайте, милая, лежите! – отвечала та, направляясь к постели, – Что с Вашей ногой?

– Да всё то же, милостивая барышня... Милостивый пан доктор, – она кивнула на столик, на котором стояли две склянки, – Приносил мне лекарство, вроде немного сняло боль, даже чуть ступаю на ногу, никому и не опишешь... Что бы мы делали без пана доктора. Как он нам жизнь спасает, милостивая барышня!

– А что народ Вам не помогает?

– Помогает, милостивая барышня, но не всегда хватает, только дважды в неделю. Когда в народном совете узнали, что в казне ещё расходов немало, а тут ещё я чужая да с малолеткой, мне стали давать по тридцать крейцеров в месяц и по пятнадцать на дитё, всего сорок пять в месяц и выходит, а то бы по миру пошли.

– Почему Вы себя чужой считаете, раз давно уже здесь?

– Да кто ещё-то? Сама я из Пржибрама, милостивая барышня. Когда меня сюда как в лес послали, все меня окликали – Боже, Отче Небесный! – как паршивого пса! Ни одна живая душа доброго слова не молвила, – женщина всхлипнула.

– Что же Вы не вернулись в Пржибрам?

– Милостивая барышня, мы уже принадлежим общине. Так повелось. Избавление придёт, а долг давний, – и спешно, как могла, добавила, – Но есть и порядочные люди, есть.

– Вас ещё тогда в той деревне взяли?

– Ох, нет, милостивая барышня! В своей деревне так и не выросла. Мама моего служила у некоего Турнова и отдала парня учиться стекольному делу... Когда я ещё служила в Пльзне, там и мой служил стрельцом. Так слово за слово, он дослужился и взял меня. Работал на нескольких стекольных заводах, даже в Яблонце и Гайде, а это уже в немецкой сторонке.

– Но ведь и хорошее у Вас было? – расспрашивала Ольга.

– Может и было, да не заметила, пока глаза смотрели! Но глаза стали слабеть, когда стекло помогала дуть, чтобы на жизнь заработать.

– А что сам не успевал?

– Пока был здоров, старался, милостивая барышня, старался, работающий был, непьющий. Даже товарищей вокруг себя собирал. Каждую неделю мне по десять чистых золотых на стол клал. Мясо я тогда каждый день варила, и дети чистыми ходили, как на подбор.

– А как же с Вами беда случилась? – спросила Ольга.

– Да уж по Божьей Милости, барышня, бедняку его Крест посылается. Детки у нас один за другим рождались. Целых пятеро уродилось, а потом стали болеть. Сколько денег ушло на лекарства, а потом на похороны, когда всё же умерли! Сколько я тогда роптала-плакала! Грешна перед Господом Богом, а Он Милостивый Боже ведал, потому моих бедняжек к себе и забрал. Только младшенькую мне оставил – Аничку. Но хуже стало, когда мой начал болеть. Подхватил жабу и сдал. В доме ни гроша не осталось, я целыми днями до полуночи стекло выдувала. Глаза от той работы слабеть и начали, когда уж совсем неведомо стало, жгло их, уже совсем видеть не могла. И если находила что попримечнее из одежды, тут же продавала и так до последнего.

Ох, золотой мой кормилец, быстро ушёл! Ох Боже мой, как тяжело было видеть его лежащим! Дома уже и одеяла не осталось, а приданое у меня ладное было, красное да белое, так что быстро продано. Вот и подумала, как нам жить дальше? Живым – живое, а покойному только саван и нужен, чтоб земле предать. Так и продала всё своё приданое. Как мужа схоронила, так с глазами совсем худо стало: правый глаз совсем ослеп, ничего не видел. Пошла в городскую управу помощи просить, а там сказали, что ничем помочь не могут, спросили, откуда родом и послали куда глаза глядят, до хозяйской общины.

– В такую даль! – воскликнула Ольга, – Из Гайда на юг Чехии!

– Вот так и бродим от деревни до деревне, и мало где подвозили, всё больше пешком. Да на Всех Святых выпал первый снег, а дитё в лёгкой одежонке, и сама не лучше одета. А как поняли, что дальше уж не сможем идти, так к вам в Карловицы нас и привезли, а тут нас и определили. Ах, по их милости, могли и не помочь, благослови их, вот выговорилась – и на сердце легче!

– Бедная! – тихо прошептала Ольга.

– Но здесь, в несчастной деревеньке меня ждало ещё худшее бедствие! – завывала дальше слепая, – Всего не расскажешь!

– Расскажите, милая Холинова!

– Мы пришли под вечер, на Святого Мартина, и снег уже на дороге лежал, а как услышал урядник, что меня с Карловиц привезли, так и собрал совет, что решит делать со мной староста Хлоумки. А тот как услышал, что меня тут оставляют, потому что девать некуда:

– И что мне с этой босотой делать? В нашей деревне никто её не знает, а откуда пришла, там уже и забыли о ней!

Слуга ему принялся объяснять, что да как, и что господа из Карловица признали меня здешней по месту жительства покойного мужа, а староста: «Никакие Холины у нас в деревне никогда не жили и господа несправедливо приписали её к нашей деревне!», и так разошлись, что весь народ сбегался, а я с дитём сижу в телеге и жду своей участи.

И тут один старичок припомнил: «Соседи, да ведь это та самая Холинова, чей муж был сыном Пепки-бондаря, что в Прагу подался с каким-то паном! Я тогда старшим был и помню, как мы по домам разбирали старые вещи и счета. Говорили Холиновы уж очень бедные были!» с тем слуга и велел мне сойти, а возок развернулся и уехал.

И я осталась тут, дитё плачет, а на меня все ругаются и проклинают все мои адские пути, разом весь наш род назвав паразитами. Как меня только не называли! Ах, милостивая барышня, до сих пор со стыда сгораю, повторить боюсь! А потом позвали пастуха: «Йирка, там вроде сарай, крытый соломой есть, вот и веди эту шалаву с её пащенком к пастухам в ясли с колокольчиками!» Ох, Христе Боже, как проклятый язык обозвал моего ребёнка! Я не выдержала и сказала: «Не берите, пан староста, на душу тяжкий грех, мы – честные люди, и не надо так моего ребёнка называть. Мой покойный муж был порядочным человеком, занемог вот только! И я вовсе не шалава с отпрыском. Нас по-Божески в приходе женили!»

Слепая принялась всхлипывать, а потом вдруг умолкла и воскликнула решительно с повелительным тоном: «Анчо, куда дела бумаги? Вот посмотрите, милостивая барышня, посмотрите!»

– Не стоит, милая, не надо, я Вам верю!

– Ведь несправедливо, барышня, потому и хочу доказать, что Анча из порядочной семьи! Ну, Анча,шла?

Анча открыла ящичек стола, вытащила ветхие, грязные листы бумаги и подала их Ольге. Там были выписки из домовых книг, крестильные листы и свидетельства, среди них был и крестильный лист маленькой Анчи.

– Вот, видели, барышня, видели?.. Анча, спрячь документы получше!

– Может, стоит показать эти бумаги пану советнику, чтобы больше не жить в сарайчике? – предложила Ольга.

– Ба, не утруждайтесь, милостивая барышня! Меня тем временем зима одолеет, и все эти печали из головы уйдут, хватит с меня фантазий, так и останусь в этом сарайчике – хоть живой, хоть мёртвой – хоть и снова скотину запустят – будь, что будет, пусть себе блеет рядышком. А жена пастуха добрая, выхаживала меня, собственного одеяла не пожалела, да и Анчу подкармливает. А когда в нашу деревеньку доктор приехал, пригласила его ко мне. Вот так мне Господь и послал ангела-хранителя! Тот просто поговорил с советником и старостой, пригро-

зил, и в тот же вечер начали пристраивать к сараю отсек. Это ведь Божий Промысел, а то бы жила там хоть до ста лет, так что в молитвах его каждый день поминаю, чтобы Господь отплатил ему сторицей за доброе дело!

Посмотрите, милостивая барышня, какое одеяло с подушкой он прислал мне через пастуха, а жене его заплатил, чтобы мне готовила еду и топила печку, а уже лекарств столько дал, что и не счесть! Но теперь мне без соседей совсем никак, когда совсем занемогла и не встаю. Вроде и выздоровела, да на другой глаз ослепла. Уже не полюбуюсь на своего ангелочка, на Аничку!

– Бывает, что и от слепоты многих вылечивают, милая, может и над Вами Господь смилостивится. А что до Анички, – Ольга повернулась к ребёнку, – Ходила когда-нибудь в школу?

– Ходила, когда жили в Гайде.

– Но школа там была немецкая?

Ребенок кивнул.

– А ты понимала, что говорит учитель?

– Нет.

– И долго так ходила?

– Год отходила, милостивая барышня, – ответила за неё мать, – А что толку, если по-немецки ни словечка не понимала и не говорила?

– А почему здесь, в Хломку никогда не посещала Дубковскую школу? – снова поинтересовалась Ольга.

– Да как бы смогла, милостивая барышня, кому там беднячка нужна? Прислали ко мне посыльного из деревенского совета, буду ли посылать своего ребёнка, что и мне будет полегче, если она грамотной или приписанной. А я ответила, что если мне грамота далась по воле Божьей, то ребенка не смогу далеко посылать, да и платить нечем, и если они хотят моё имущество описать, то уж не лучше ли с меня и начать, когда душа из тела уйдёт? И тогда мне посоветовали, чтобы я не беспокоилась об оплате, а мне надо либо платить мне, либо прислать мне сиделку, вот как-то так и договорились, что ребёнок за больной присматривает.

– Совсем не умеешь читать, Аничка? – спросила Ольга.

– Не умею.

– Но она знает все буквы, милостивая барышня! Мой уже совсем плох был, а часто с ней по книжке говорил.

– А знаешь что, Аничка, приходи ко мне завтра утром, в Дубково – подарю замечательную книжку, тогда и поговорим. И клевер для кролика получишь. Я скоро навещу Вас, Холинова. С Богом!

Ольга быстро вышла из комнаты.

Вернулись домой, она обнаружила, что во все уже собрались обедать и обеспокоенно ждали её. Та извинилась, подробно рассказала обо всём происшедшем, о том, как возмущает странность некоторых законов, которые так вопиюще несправедливы к жизни бедняков, и что с мнением пана советника не считаются, хотя тот и законный хозяин поместья.

Когда же на следующий день Аничка с обильными дарами радостно сияя возвращалась из Дубкова, Ольга проводила её и до поля, где пастух косил клевер.

Тот удивленно остановился, оперся на косу и сказал:

– Что Вы, милостивая барышня, с этим дитём так возитесь?

Потом почесал затылок под шапкой. Ольги торопливо в одиночку набирала клевер для Анички в большой платок, да так разошлась, что на слова косца и внимания не обратила. Стоя на коленях она помогла Аничке завязать платок, когда услышала, как её весело окликнули:

– Вот как, барышня Ольга ворует клевер! – это доктор сошёл с повозки и подошел к краю поля.

– Это мы для кролика! – осмелев крикнула Аничка, – Милостивая барышня уже видела моего кролика и говорила со мной по книжке!

– Правда? – доктор взглянул на Ольгу так горячо и сердечно, что та каждой своей жилкой ощутила счастье.

– Ах, да, – поднялась она к нему, подавая руку, – Помню Вас, помню...

Тот слегка покачивал головой, как будто и не удивлён и продолжал:

– Бедное создание, – но потом живо добавил, – Хорошо, что мы встретились. Хотел заехать к вам в Дубково узнать, будете все у нас в академии?

В этот миг Ольга забыла обо всём, что говорила дома о том, что в академию не поедет, а лишь робко ответила:

– Наверное, поедем. А Вы бываете на Карловицких концертах?

– Обычно, нет!

– Но Вы сказали, что хотели заехать в Дубково. Неужели ради Академического бала?

Доктор слегка задумался, будто в нерешительности, после чего галантно ответил:

– Я заеду... На этой неделе! До встречи, барышня Ольга!

И быстро повернулся к повозке, помахав напоследок шляпой.

***

Был ясный полдень. Солнце играло, как летом. В дальнем уголке сада на лавочке под кустами жасмина в приятной прохладе обе девушки уселись за рукоделием.

Воздух был напоён ароматом жасмина. Ольга обернулась, чтобы рассмотреть нежные белые цветы, распустившие свои бутоны. Лидушка вышивала, но то и дела отрывала взгляд от работы.

Потом схватила Ольгу за руку:

– Смотри!.. Нет, направо! Видишь как дядюшка Ондřej по сторонам оглядывается? Нас ищет? Нашёл! К нам идёт.

Бойкая головка еле сдерживала озорной смех.

– Не оборачивайся! Смотри сквозь ветки: он не видит, что мы его заметили, – прошептала она Ольге, – Смотри, как поправляет галстук, как отряхивается, манжеты осматривает... Боже! Подумать только! Дядюшка Ондřej поправляет галстук! Ольга, это многое значит! А в руках какие-то книги... Ну сейчас уморит своей философией.

Пан Одржей приблизился, и Лидушка сразу склонилась над своим вышиваньем, только иголка в руках замелькала, будто девушка и впрямь поглощена своей работой. Ольга любезно взглянула на подошедшего.

– Не помешаю ... – отозвался тот, встав неподалёку.

– Ни в коем случае! Присоединяйтесь. Я уже устала шить, да и грех всей красоты вокруг не видеть!

– Однако, дядя! Вы в парадном! По какому случаю воскресный наряд? – поинтересовалась Лидушка.

Пан Одржей покраснел до корней волос:

– Да ничего особенного, – спешно отговорился тот.

– А как эффектно повязан галстук! А ты ещё вполне себе, дядюшка!

Пан Одржей смущённо взглянул на барышню Ольгу, но та будто пропустила мимо ушей Лидушкины шпильки, и сказала:

– Не возражаете, если посмотрю Ваши книги?

– О нет! Просто... Я подумал, может быть... У барышень нет времени... У меня тут кое-какие лекции.

– А что у Вас ещё интересного с собой?

– Ты ещё спрашиваешь, что интересного?! Не трудно догадаться! Так ведь, дядя? Что-нибудь вроде Критики здравого смысла Канта!

Пан Одржей нахмурился:

– Критику чистого разума не стоит переводить как критику здравого смысла, – сказал он серьезно.

– По-моему, тоже! Но я догадалась. Или что-то из Гегеля или Шопенгауэра?

– Полюбуйтесь, как наша Лидушка во всём разбирается, – улыбнулась Ольга.

– Вот так и запустила бы тебе в глаза песком, милая Ольга! Да люди вроде нашего дядюшки больше предпочитают книжную пыль!

– У меня с собой простенькие лекции, – пояснил пан Ондржей.

– Да неужели?! Дядюшка Ондржей принёс простенькие лекции! А не романы Поль де Кока?

– Но, Лидушка!

– А барышня знакома с «Дзядами» Мицкевича? – повернулся к Ольге пан Ондржей.

– Они переведены?

– Некоторые части.. По-моему, там невероятная глубина мысли. В самом деле... Мало у кого в мировой литературе так бывает. Читала барышня стихи Юлиуша Словацкого? Тут есть.

Ольга приняла из рук пана Ондржея несколько книг.

– А третья какая? – спросила она.

– Это очень интересная работа. Рекомендую..

Лидушка взглянула на название книги и тут же воскликнула:

– «Gedanken über die Unsterblichkeit der Seele»?² И ты считаешь это «простенькими лекциями», дядюшка?

– Они и правда не сложные! Там так написано, что... неспешно начал пан Ондржей.

– Что даже нашему женскому разуму понятно, да? – оборвала Лидушка.

– Я не об этом.

Ольга, перелистывая страницы, сказала:

– Эта книга читана усердно. И не только Вами?

– Да... Неоднократно. Мне её передала...

– Передала? Вам её дала дама?

– Дядя, дама?

– Да.

– Местная, из Дубкова или из Карловиц? Дама! Знакомая тёти Маховой?

– Пани Ждарска.

– Ах! – вырвалось одновременно у девушек.

– Ты знаком с пани Ждарской? Дядюшка, ты никогда не говорил об этом!

– Мы только однажды виделись...

– Из-за этой книги? – спросила Ольга.

– Да, доктор просил почитать что-нибудь о бессмертии души...

– А она дочитала эту книгу? – тут же спросила Ольга.

– Нет.

– А почему?

– Потому что умерла.

Лидушка, разом закрыла книгу, которую только что попыталась взять, и быстро вернула её пану дяде Ондржею.

На мгновение все смолкли.

– А что, дядя, она была хороша собой, красива? – нарушила тишину Лидушка.

Пан Ондржей пожал плечами:

– Хороша собой или красива? Всё зависит от того, как это понимать...

– Да что там понимать! Говори, как есть, как она тебе показалась. Красивой?

– Красивой. Но я её уже в болезни застал.

– А доктор... Дружил с ней? – спросила Ольга.

– Конечно.

---

² [1] [1] Мысли о бессмертии души (нем.)

– И даже был влюблён? – перебила Лидушка.
– Откуда же мне знать? – слегка улынувшись укорил пан Онджей.
– Да Вы прямо ничего не знаете, дядя! И ни в чём не разбираетесь, хотя и ученый, тоже мне, пан профессор... Ох!

Пан Ондрей усмехнулся:

– Паном профессором уже не стану...

– Как же так? – возразила Ольга.

– Не преподаю.

Но ведь будете?

– Нет.

– Почему? Зачем оставили своё дело?

– Да так... Не по душе... Не хотелось...

– Может, ещё вернётесь!

Тот отмахнулся со странной улыбкой:

– Была такая мысль... Но говорю же, не хочу связываться.

– Связываться?

– Связываться с теми же устоями, что и прочие.

И пан Онджей рассмеялся, своеобразно, приглушённо. Будто сам с собой, сотрясаясь больше телом, и вскоре смех почти не был слышен.

– Мне всё это казалось... однообразной жвачкой, – и он опять засмеялся.

– Какой абсурд! Учить молодежь, открывать ей духовный мир, действовать... А Вы...

Не хотите «связываться»...

– Учить? Всё это поверхностно.

– От Вас зависит, будет ли поверхностно.

– Я не верю в это! Все учатся поверхностно... И всё это в соответствии с учебным планом, подробно разбирать каждую квадратную милю Междуречья? Эх! Не по мне это всё!

– А по работе не тоскуете?

– Мало ли другой работы? Может ли человек когда-либо быть готов?

– Готов? К чему?

– К жизни? К познанию?

– Познавать всю жизнь?

– А что есть высшее познание, как не поиск истины?

– Познание! Бесплодные усилия! Нет, нет, не знаю, что ответить! Какая-то мысль!

Не знаю, как объяснить... – поспешно, говорила Ольга в пылу спора.

Издали послышался голос пани Маховой.

– Тётя зовёт! – заметила Лидушка.

Все встали и засобирались.

– Но мы не договорили! В другой раз продолжим? – спросила, Ольга.

– Конечно, барышня!

– Не продолжайте! – смешно скривилась Лидушка.

Тут Ольга остановилась по пути и тихо попросила, будто извиняясь:

– Будьте так добры, одолжите мне книгу?

– «Дяды»?

– Нет, ту, что читала пани...

– С величайшим удовольствием. И если заинтересуетесь бессмертием души, могу порекомендовать книги и поглубже этой..

– О нет, нет... Можно ту самую?

– Несчастливая! Зачем от неё философские книги брать! Ещё беду на себя навлечёшь! – засмеялась Лидушка.

Ольга поспешно взяла поданную книгу, и так же быстро спрятала ее в сумочку ручной работы. Навстречу им шли доктор с пани Маховой.

– Веду гостя, – пояснила тётя.

Девушки протянули руки.

Он протянул в ответ свою, неохотно с молчаливым холодным поклоном.

– Я сочла долгом воздать доктору за труды.

– А Вам, тётечка?

– Жена городничего приехала.

– О, Боже, вот ужас! – воскликнула Лидушка

– А где пан советник? – сухо отозвался доктор.

– Скоро выйдет в сад!

– Возвращайтесь к нам скорее! – сказала вслед тётя.

– Вернусь, милосчастивая пани!

Лидушка что-то прошептала тёте, пока остальные молчали.

Ольга направилась обратно к лавочке, размышляя, как начать разговор.

«Что с ним случилось?» – подумала Ольга, сравнивая его нынешнее волнение и радостный вид при их недавней встрече на дороге, с оцепенением теперь.

Доктор испытующе оглядел всех присутствующих. В этом взгляде будто мелькала искра недоверчивости, как будто задавался вопросом каждому лицу: «Что полагаете? Мне не стоило приходить?»

Всё же встретившись с со слегка насмешливым и встревоженным взглядом Ольги, он сменил холодный взор на улыбчивый.

– По лицам барышень вижу благодатное влияние Дубковского воздуха. Всего за несколько дней...

– Пан доктор, тут не только в воздухе дело, а кажется, в какой-то миг... Мы старались...

– А барышня, кажется, слегка расстроена, – чуть улыбнулся но добродушно, без насмешки пан Ондржей.

– А разве можно расстроить молчаливого человека? – поинтересовался доктор.

– Ах, доктор! Это двое скучных людей – Ольга считает, что жизнь дана для воспитания молодого поколения, а дядя – что главное познание жизни через книги. А теперь они и Вас могут втянуть в свои беседы.

– Наша Лидушка преувеличивает. Я просто высказался, что истина человеком непознаваема.

– Но нет высшего счастья, чем познание, – вырвалось у Ольги.

– Полагаете? Благодатнее и достойнее человеку познавать истину, чем унижаться реальной жизнью, принимая её в сердце, независимо от внешних событий? – и лицо пана Ондржея вдруг ожило, а глаза засияли особым светом.

– Боже, как прекрасно! Только что даст бесцельное познание истины? Или у Вас есть цель? – возразила Ольга.

– У всего сущего нет высшей цели. Есть лишь жизнь в истине, духовность...

– Жизнь, говорите? Жить самому по себе со своими мыслями, не делая никому ничего кроме себя? Это эгоизм!

– Всё на свете устроено гармонично. Душевный порыв одного может стать порывом всего человечества...

– О, я не настолько сильна в науке, чтобы ответить, но, по-моему, Вы не правы. Что толку прочим от Вашего душевного порыва? Пан доктор, может, поможете мне? Как Вы полагаете?

Доктор очень удобно расположился в кресле, закинув голову на спинку, а ногу на ногу. Спор двоих он наблюдал с кривоватой усмешкой.

– Что я полагаю? Да ничего. Просто думаю, не будь у пана Ондржея своей доли Дубкова, не стал бы он рыться в этих трудах, у него были бы другие цели и задачи в жизни...

– Вы ошибаетесь, доктор, и очень ошибаетесь! – воскликнул пан Ондржей с негодованием, совсем не вязавшимся с присущей ему мягкостью, – Никакие внешние события не влияют на судьбу, и не отражаются на духовной жизни...

– Если бы Вы голодали... или пальцы торчали бы из Ваших худых ботинок...

– Был бы расстроен...

– И только?

– Думаю, как и каждый.

Доктор пожал плечами.

– Я не собираюсь спорить с Вами, раз так уверены. Но задам небольшой вопрос. Взгляните на то поле!

– И что? Свёклу выкопали.

– Да, выкопали свёклу. Пойдите с ними, потрудитесь серпом с утра до ночи согнувшись. А потом вечером вернётесь домой, а там вас ждут пятеро детей с в криками: «Папа, мы хотим есть!» И какое Вам после этого будет дело до поисков истины и смысла жизни?

– То, что далеко не каждому дано сподобиться достигнуть благородной цели, не означает...

– И сколько же, по-Вашему, вот таких избранных, которые, если повезёт, могут бесконечно искать истину в своих книгах? Барышня права, Вам и дела нет до других, вроде крестьян, копающихся в поле! И это Вы считаете умственным прогрессом?

– Полагаете, я им не сочувствую, если не работаю как они?

– Работаете? Попробуйте. Всё это лишь благие намерения. Как полагаете, барышня? А Вы, барышня? – резко обернулся он к молчавшей Лидушке, – Что лучше: в Дубковском саду читать философию или копать в поле свёклу?

– Это, поверьте мне, трудный вопрос! Если бы мне кто-то предложил, либо целый день слушать дядину философию, либо весь копать свёклу, я бы затруднилась с ответом...

– Правда? – и глаза доктора при взгляде на Лидушку, заблестели, а сам он громко и весело расхохотался, запрокинув голову.

– А ещё, пан Ондржей, Ваша племянница плохо воспитана.

– Может, задержитесь у нас? Скоро будет готов кофе, – сказала Лидушка.

Все встали и пошли вниз к дальней части сада.

Пан доктор говорил с Лидушкой, Ольга пошла проводить пана Ондржея, но рассеянно отвечала на его вопросы.

«Какой странный, пан доктор! – подумалось ей, – Так трудно иногда понять по голосу, то звучит сухо, то вдруг очень тепло. И почему сегодня поначалу был так сдержан? А теперь вот растаял.

Неподалёку от усадьбы было приятное местечко под несколькими клёнами, кроны которых соединялись ветвями в купол. Вокруг стола, покрытого красной скатертью восседало небольшое общество. Жена городничего разливала кофе и беседовала с паном городничим, пытаясь развлечь всех, восседая во главе стола.. То была темноволосая, бледная дама, с длинным, узким лицом, острым носом, и яркими, светлыми, глазами-бусинками. На ней было серое шёлковое облегающее платье, и она то и дело демонстративно поправляла тощей ручкой чёрный кружевной чепец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.